

Г.Я. Елин

## Штейнер или Штайнер

### *Или о том, как я учился произносить имя Доктора*

Эта статья - не научная, а потому я не буду указывать точные ссылки на материалы упоминаемых мной авторов статей на данную тему. Научной она и не может быть, ибо давать имя, переименовывать, внедрять имя в другой язык и тому подобное, - деяния далеко не научные и на науку никогда не опиравшиеся. Эта статья - лишь описание метаморфозы одного частного мнения по поводу того, как, собственно, надо произносить - Штейнер или Штайнер - в русском языке. То есть эта статья - не научная, а, скорее, исторически-описательная. Потребность в ней возникла в силу сложившегося нежелания людей понять друг друга и непроходимого, твердокаменного стояния этих людей на собственных догмах, каждая из которых укрепляется доказательствами, приведенными в их основании. Доказательства множатся, догмы крепчают, а люди всё более отдаляются друг от друга и замыкаются на собственном волевом импульсе непогрешимости своей методики в установлении истины.

Что же произошло с моим личным отношением к произношению имени Доктора?

Вначале, как известно, бывает тезис. То есть в данном случае это означает: если не знаешь, как говорить правильно, - говори как все, следуй традиции. Я начал читать книги Доктора в начале 90-ых годов. Тогда уже было это разделение. Часть книг была озаглавлена "Штайнер", другая часть - "Штейнер". Я по незнанию даже сразу не понял, что это - одно и то же имя. В одной из антропософских статей того времени - жаль не помню автора - я прочитал примерно следующее. Старые антропософы, - говорилось в этой статье, - говорят "Штейнер", а среди новых есть много таких, которые говорят "Штайнер". В той же статье говорилось, что произносить "Штайнер" обусловлено новым веянием транскрибировать слова из других языков по "слышимости звучания", а не по "видимости текста".

Для меня веяния - вещь весьма условная и сиюминутная. Имя Доктора - есть нечто устойчивое и неоднородное. Поэтому традиция старых антропософов говорить "Штейнер" для меня тогда явилась определяющей. В смысле антропософского развития я тогда был младенцем, делающим свои первые шаги и подражающим во всём тем, кто является для него наибольшим авторитетом и кого любит он больше других. Само собой разумеется, уважал и любил я больше всех остальных - русских антропософов начала XX века, друзей и соратников Доктора, таких как Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Михаил Чехов. Уважал я также и всех остальных выдающихся представителей русской культуры начала XX века. Кроме того, я испытывал немалое уважение и почтение к тем, кого в вышеупомянутой статье автор назвал старыми антропософами. Все они говорили "Штейнер". И я решил для себя тоже говорить и писать "Штейнер".

Потом я стал знакомиться с современными и не очень современными - судя по произношению имени Доктора - антропософами. В моём сознании, которое в отношении этого вопроса ещё твёрдо на ногах не стояло, стал созревать антитезис. Я начал замечать, сколь настойчиво произносилось имя "Штайнер" теми ведущими русскими антропософами, с которыми я на тот момент был в активной фазе общения. Они приводили просто неопровержимые аргументы в пользу неизменности произношения немецкого дифтонга при переходе в русский язык. Одному из них без особого труда удалось меня убедить тогда в правильности произношения "Штайнер".

Повторюсь, это были две фазы развития моего отношения к имени Доктора.

Как известно из диалектики, тезис и антитезис в познании - это два догматических, полярных суждения, одно из которых исключает другое. Но чтобы прийти к более или

менее адекватному синтезу, внешних критериев мало, надо вносить собственное суждение. Однако, не пережив последовательно эти, ещё не ставшие своими, мысли, - к настоящему синтезу не придёшь. Да и, можно сказать, первая фаза созидания собственного суждения, - это некий внешний синтез, когда пытаешься сопоставлять между собой аргументацию двух противоположностей. Но даже эта первая фаза - уже есть начало собственного движения на пути к ответу. Ибо здесь есть уже некое волевое начало - надо затратить усилия, чтобы разделить эту внешнюю аргументацию, сделать некую сортировку по различным критериям, вычленив главное в обеих сторонах и так далее. В результате должен получиться некий "внешний" синтез, то есть тот, который основывается в большей степени на вопросе "что", - если пользоваться терминологией Гёте.

А вот далее следует собственное, приближающееся к медитативному, размышление, которое и должно привести к ответу. И уже об этом ответе можно с большой долей уверенности сказать, что он принадлежит мне и не навеян чьим-то влиянием.

Конечно, в этой области не применишь в полном объёме методологию чистого мышления, ту, что содержится в "Философии свободы". Чистое мышление применимо лишь к чисто духовным понятиям. Воплощённое же слово, облачённое в формы современных языков, - это уже не то духовное понятие, с которым мы имеем дело, занимаясь, к примеру, духовной наукой, - оно исходит из физических форм гортани и всего строения прежде всего физического тела человека, принадлежащего тому или иному народу. Ведь ни для кого не секрет, что форма речевого аппарата, скажем, немца отличается от подобной же физической формы русскоговорящего человека. Здесь многое определяет телесность. Поэтому, этот вопрос не столь "чист" с духовной точки зрения, чтобы применить к нему в полном объёме арсенал чистого мышления. Одной только стройной логикой здесь не обойдёшься, потому что в произношение тех или иных слов включён телесный элемент, который обусловлен не только чистым духом, но несёт в себе отпечатки и всевозможные наслоения развития произношения, а вместе с ним и написания, в конкретном языке. То есть здесь обусловленность прошедших этапов всё-таки значительна, так как, повторяю, речь в большей степени идёт о физически-телесном. Эфирное, душевное, духовное здесь, конечно, тоже присутствуют, но всё-таки "следы" их взаимодействий в виде слов запечатлеваются в земно-телесном.

Однако, логику последовательного мышления в нашем случае полностью отвергать нельзя. Надо только видеть те пределы, дальше которых она идти не должна. Иначе, возникнут гипотезы, которые в данном случае неуместны. Так как мы не восходим к откровениям Гения речи, а наше чистое мышление имеет ряд ограничений, надо признаться, что наш ответ - лишь первое приближение к истине.

Чтобы понять нашу точку зрения, надо, всё-таки, ознакомиться сперва с аргументацией тех, кто защищает с той и с другой стороны кажущееся им правильным произношение имени Доктора. Я не буду здесь приводить их высказывания. Кто хочет, - сам найдёт эти первоисточники.

Хочу обратить внимание лишь на некоторые особо слабые стороны.

1) Приводить в качестве примера транскрибирование имён собственных - вещь очень шаткая. Разные языки имеют разные правила или условия транскрибирования. Имена, как правило, входят и остаются неизменными в том виде, как их однажды транскрибировали.

Никто ведь не будет Эйнштейна переименовывать в Айнштайна, но и Зинаиду Райх никто не будет называть Зинаидой Рейх.

Вообще, если идти по пути транскрибирования, - это самый ненадёжный путь.

Имя доктора Rudolf Steiner в английском, например, языке пишется точно также, как и в немецком. В произношении же отличается лишь в первой букве "S". По-немецки перед "t" она звучит как русское "Ш", а по-английски - как русское "С". Дифтонг же остаётся неизменным. Отсюда, например, гордые заявления некоторых англоговорящих антропософов: в звучании имени Доктора есть "ай". Местоимение "I" означает "Я". Так

что в имени Доктора содержится "Я", правда - англоязычное.

2) Ссылки на авторитарные, простите, авторитетные суждения типа "в такие-то годы такой-то известный антропософ говорил, что слышал от другого известного антропософа, что специфика произношения имени Доктора связана с тем-то и с тем-то"... Господа, такие суждения имеют какой-то вес лишь в фазе тезиса. На фазе синтеза они являются смехотворными, ибо в них нет ничего от собственного желания понять. В конце концов, достоверность этих высказываний - весьма спорная.

3) Безусловно слабой стороной является суждение о том, что так произносить предписывалось цензорами, то есть некими государственными чиновниками, которые ревностно отстаивали правила языка с канцелярской точки зрения. Возражение на это очевидное. Выдающиеся поэты и прочие литераторы, в том числе и антропософы, надо полагать, подчинялись формально законам формальных учреждений, в том числе и цензуре. Логично допустить, что в книгах и журналах они обязаны были писать имя Доктора - "Штейнер". Но ведь многие из них были проводниками Гения речи. Так почему же в бытовых разговорах и в письмах друг к другу Доктора они всё-равно называли "Штейнер" и никак иначе? Их ведь никто не заставлял в частном общении выполнять обязательную для изданий формальность. Кстати, в письмах к самому Доктору, которые часто писались на русском языке, и в качестве переводчика выступала Мария фон Сиверс, они называли его "Штейнер". Да и в личных беседах, когда она снова делала переводы между ними и Доктором, они так же говорили "Штейнер". Сам собой напрашивается вопрос: если говорить "Штейнер" так чрезвычайно неправильно, почему же сам Доктор ни разу никого не поправил? Ведь если был бы хоть слабый намёк на сомнение в произношении имени Доктора, он бы не просто поправил, но и обратил бы на это особое внимание, и это обязательно кем-то было бы зафиксировано. По крайней мере, хотя бы раз у кого-нибудь из специалистов русского языка, таких как, например, Андрей Белый, Доктор обязательно спросил бы, почему, собственно, Штайнера русские называют Штейнером. Ведь это не просто какое-то транскрибированное слово, а его собственное имя.

4) Слабым аргументом другой стороны является, безусловно, ссылка на словари и в особенности на словарь в компьютерной программе MS WORD. Дело в том, что в такие программы статьи берут из того, что первым попадёт под руку. И, как правило, их составляют люди, далёкие от культуры языка.

Можно было бы приводить ещё и ещё слабые аргументы обеих сторон. В конце концов понимаешь, что все без исключения их аргументы можно разрушить как карточный домик, если задаться такой целью. Именно этим и занимается каждая из двух, разделённых проблемой, сторон. Так, например, в качестве укрепления своего мнения одна сторона говорит о том, что Доктор, собственно, был не совсем немцем, он родился в Австрии. Мария фон Сиверс не случайно назвала его в своей вступительной статье к "Теософии" "великим сыном Австрийского народа", - и в тех областях Австрии, где он жил в юности, дифтонг произносят мягче - нечто среднее между нашими "ай" и "эй". В ответ на это наш выдающийся антропософ С.О.Прокофьев, насколько я понял из его статьи в журнале "Антропософия в мире", с группой друзей специально ездили именно в эти Австрийские места. Там выяснилось, что местные люди сроду ничего не слышали о разнице в произношении дифтонга. Они всегда там произносили и произносят "ай".

Таких примеров можно привести десятки, - когда одна сторона рушит в руины слабые аргументы другой. И это - с обеих сторон.

Из всего этого мы можем сделать пока один приблизительный вывод. Каждой из сторон комфортно пребывать в незыблемости своей позиции по данному вопросу. Трудно себе представить, чтобы кто-то из выдающихся русских антропософов современности вдруг пожелал бы не разрушать позиции другой стороны, а сделал бы шаг совсем в другом направлении. Нужно только начать задавать вопросы, на которые в конце концов нужно будет дать ответ. Вопросы - не вообще - ради удовлетворения каких бы то ни было

амбиций. Но вопросы, ответы на которые несут в себе реальную ответственность перед нынешним и последующими поколениями.

Нужно ли для русского человека это нелепое раздвоение в произнесении имени Великого Посвящённого, который, между прочим, осознавал ответственность за каждое своё слово?

Я для себя решил пока так.

Здесь должно быть некое последовательное отношение к человеческим поступкам. Имя Доктора вошло в русскую речь в начале XX века как "Штейнер". Все книги, весь самиздат, всё изданное до начала 90-ых (может быть до середины 80-ых) годов - говорили, писали, печатали "Штейнер". В конце 80-ых - начале 90-ых годов возникло некое течение людей, владеющих немецким языком, которые на немецкий манер стали говорить "Штайнер". (Дескать, "мы знаем немецкий, а потому говорим "Штайнер"; все остальные, кроме нас, видно, немецкий не знают или знают, но боятся правильно, как мы, говорить"). Среди них оказались и выдающиеся антропософы современности. Поэтому тогда же начали и печатать "Штайнер". Цель понятна - переименовать.

Я противник насильственного установления чего бы то ни было. И когда мне говорят "надо сделать так", я отвечаю "тебе, может, и надо, но я сделаю так, как мне подсказывает моё мышление". Я буду никаким антропософом, если буду следовать воле других. Революции, смены орфографий и любые другие насильственные формы решения проблем - не по мне. Насильственное переименование - тоже.

Имя Доктора вошло в русский язык, сохранилось до наших дней и будет сохранено в русской культуре как "Штейнер". Переименовывать его я не буду. Нравится это кому-то или нет, но в этом вопросе из всей совокупности сложившихся фактов я поставил точку. И переубеждать меня не нужно.

В тезисе я был под влиянием авторитета первоисточника.

В антитезисе я был под влиянием широты кругозора современных выдающихся антропософов.

В первичном синтезе я был под влиянием борьбы двух вышеозначенных групп, тогда же мне стали приходиться произведённые в результате логических последовательностей абстрактные мысли.

И, наконец, теперь, после значительных усилий, я встал на собственную позицию, при этом не входя ни в какой лагерь. И с этой позиции борьбу в том виде, в каком она существовала между этими группами, я не признаю и считаю нецелесообразной и вредной.

Надо сказать, не все библиотекари и архивисты знают, что Штейнер и Штайнер - это один человек. Искать же - и это только в русском языке так - нужно теперь и на "Штейнер" и на "Штайнер". Люди, далёкие от конкретной реальности, конечно могут сказать, - да пусть будет и так и так. Но реальность, в отличие от гипотезы, признаёт лишь одно имя. И не позорно ли, что именно с Доктором и именно в русском языке - такое раздвоение, такая слабость воли?

Повторяю, я никому ничего не навязываю. Так как эта статья - не научная, вернее, не совсем научная (слишком мало или почти совсем нет ссылок на первоисточники), то воспринимать её надо лишь как оформленное в виде текста моё нынешнее отношение к произношению имени Доктора. Я мог бы её и не писать вовсе, но тогда продолжалась бы неустойчивая тенденция нежелания понять меня моими же друзьями и попытки некоторых из них склонить меня в "правильную" сторону.

© Г.Елин